

К ПОЛЕМИКЕ ВОКРУГ ПЕРЕВОДА ВЛ. МИКУШЕВИЧА «КНИГИ СКОРБНЫХ ПЕСНОПЕНИЙ» ГРИГОРА НАРЕКАЦИ

Л. М. МКРТЧЯН

Отрывки из «Книги скорбных песнопений» Григора Нарекаци, великого армянского поэта X века, впервые были изданы на русском языке в переводе Наума Гребнева в 1969 году. То была тоненькая книжка небольшого формата. Встречено было это «пробное» русское издание восторженно, за исключением одной рецензии в ереванской газете «Комсомолец» от 10 сентября 1969 года.

Рецензии и отклики, опубликованные в журнале «Дружба народов», «Юность», «Литературная Армения»..., были собраны в сборнике «Читая Нарекаци» (Ереван, 1974).

Положительные отзывы на «Книгу скорбных песнопений», вызванные переводом Гребнева, были приняты в Армении, так сказать, безоговорочно. А вот самый перевод был встречен по-разному. Дело в том, что Гребнев свободный стих Нарекаци перевел рифмованным стихом, крепким классическим русским стихом. Армянские исследователи творчества Нарекаци считали, что нужен новый перевод «Книги...».

К работе над новым переводом мы привлекли одного из наиболее талантливых поэтов и переводчиков России Александра Межирова. Но Межиров, как-то сказавший, что может быть, поэтом и стал поэтом, чтобы перевести «Книгу...». Нарекаци, промучился несколько лет, но так и не нашел размер, которым бы можно было передать на русском языке мощный поток стиха Нарекаци. Он написал даже на эту тему стихотворение:

Намеревался жизнь дожить для виду.
Сосать чужой поэзии сосцы —
И послужить армянскому Давиду,
Слагателю Псалмов — Нарекаци.
Намеренье мое — дитя гордыни —
За то, что возомнил, сподна плачу:
Аз ныне,
Постигающий в унынье,
Что мне Нарекаци — не по плечу..

Стихотворение датировано 70-ым годом. А в июле 1971 года Межиров писал мне из Берлина: «Все попытки подчинить текст какой-либо естественной для русского языка стихотворной форме, приводили к таким потерям, что я чувствовал себя преступником. Я перепробовал все — от пятистопного ямба до копирования ритма одного из переводов псалмов Давида. В первом случае получалась — конфетка. В последнем — нарочитое подражание Библии. (Нарекаци не занимался этим). Я откладывал ответ на ваши письма в надежде на близкую возможность сообщить об успехе. Но вынужден писать совсем о другом.

Видимо Наум (речь о Науме Гребневе. — Л. М.) был прав. Он понял, что перевод как таковой невозможен и решил сделать то, что реально осуществимо».

Пока мы искали нового переводчика Нарекаци, Гребнев продол-

жал работать, он переводил новые главы «Книги...», опубликованные в антологии «Армянская средневековая лирика» (Ленинград, 1982), а также в 1977 году в Ереване (около 5 тысяч строк) с параллельным текстом оригинала на древнеармянском языке и с подстрочными переводами отдельных глав (около тысячи строк)¹.

После гребневского перевода были изданы два полных русских перевода «Книги...» (перевод Л. Миля, Ереван, 1984, и перевод Вл. Микушевича, Москва, 1985), а также — подстрочный русский перевод, исполненный М. Дарбинян и Л. Хгнларян (Москва, 1988). Издание подстрочного перевода было необходимо для ученых и для тех, кто будет переводить «Книгу...» Нарекаци с русского подстрочника. Например, Иван Драч перевел «Книгу...» на украинский по русскому подстрочнику. Что касается новых художественных переводов, то наши надежды на то, что они окажутся лучше гребневского, на мой взгляд, не оправдались. И определенную долю ответственности за это несу я, так как был в числе тех, кто привлекал Милья и Микушевича к работе над новыми переводами Нарекаци.

И Милья, и Микушевич переводчики, зарекомендовавшие себя работами яркими, неординарными. И если считать, что перевод «Книги...» им не удался (я думаю, что не удался), то это неудача талантливых людей. С. С. Аверинцев в примечании к своей статье «Роскошь узора и глубины сердца»² сожалеет, что его «статья уже была написана и сдана, когда появился очень интересный перевод Владимира Микушевича, заслуживающий специального разговора».

Что касается специального разговора, то была о Миле и Микушевиче статья Магды Джанполадян «О переводах, закрывающих оригинал»³. Была и моя статья «Не все надежды сбываются»⁴.

Микушевича, как я уверен, подвела им же выдвинутая идея о сверхрифмованности «Книги...» Нарекаци. Идея, высказанная им в его статье «Целительный свет», статье, написанной по армянским источникам и в целом интересной как взгляд со стороны. Перевод Микушевича буквально напичкан рифмами:

О ты, уловляющий, неумоляющий, прославляющий
Каждый вздох, каждый стон, каждый вскрип,
Устье устава, усталые уста, воспаленный язык.
Истомленный ляк, масло мысли, свечи речи,
Пламенный плач...

В поисках размера, стихотворной формы для пересоздания «Книги...» Нарекаци на русском языке Микушевич, думается, взял за образец перевод первой суры Корана, который был сделан В. А. Эберманом в 1920 году и который приводится в комментариях к русскому Корану.

Хвала Аллаху, который миром Господни,
Милостливый, милосердный он один,
Для страшного суда Властелин,
Тебе мы поклоняемся,
Помощь дается нам
Тобою одним.

¹ Григор Нарекаци. «Книга скорби», Ереван, 1977.

² Опубликовано в кн.: Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. М., 1988. с. 25.

³ «Литературная Армения», 1987, № 12. См. также: Сурен Золян. На полпути к вершине — о русских переводах Нарекаци—«Литературная Армения», 1983, № 6; М. Джанполадян, «Продолжим диалог», «Лит. Армения», 1988, № 12.

⁴ «Литературное обозрение», 1987, № 6; Левон Мкртчян. Если бы в Вавилоне были переводчики..., Ереван, 1987, с. 389—407.

Веди нас по пути тех, кто тобою водим,
По пути тех, на кого простерлась милость твоя,
На кого ты не гневаешься, кто не знает заблуждения кручины⁵.

Вл. Микушевич, не вступая с критиками своего перевода в полемику по существу, вздумал почему-то по прошествии десяти-двенадцати лет оболгать их, не принявших его перевод как художественно недостоверный, слабый. «Представители безбожно просвещенной интеллигенции, — пишет он, — опустились до низкопробных доносов, препятствуя выходу моего перевода в свет. Григора обвиняли в ереси, мой перевод обвиняли в религиозности, а как раз тогда разворачивалась последняя антирелигиозная кампания, развязанная при К. И. Черненко»⁶.

Никаких обвинений, связанных с антирелигиозной кампанией Черненко, и, тем более, доносов в рецензии, написанной по просьбе издательства «Художественная литература», не было и не могло быть. Мы — председатель Союза писателей Армении Вардгес Петросян, директор Матенадарана (институт древних рукописей) С. С. Аревшатян, секретарь Союза писателей Армении А. П. Григорян и я, грешный, рецензировали перевод Микушевича в начале 1983 года. И если так уж необходимо подчеркнуть при ком это было, то было это при Ю. В. Андропове. «Думается, — писали мы в феврале 1983 года, — основной недостаток перевода Микушевича в том, что перевод в сравнении с оригиналом менее выразителен и даже банален».

Получив нашу рецензию, Вл. Микушевич написал письмо главному редактору издательства «Художественная литература» А. И. Пузикову. Пузиков переслал письмо Микушевича нам с просьбой еще раз рассмотреть перевод Микушевича. Нами была написана еще одна рецензия. Было о переводе Микушевича и разговорах вокруг перевода письмо Вардгеса Петросяна директору издательства «Художественная литература» В. О. Осипову.

Вот и все, что было. Прошло 12 лет и в феврале 1995 года Микушевич ответил нам: «Мои противники принадлежали к поколению специалистов, возомнивших себя знатоками русского языка на том основании, что они не знают родного»⁷. Жаль, очень жаль, что талантливый, добрый человек Микушевич не смог побороть в себе чувство злобленности. Да и противниками ему мы никогда не были.

Отстаивая свой перевод, Микушевич в разных статьях высказывает мысль и откровенно нелепую: «У меня, — пишет он, — была полная транскрипция оригинала, кстати, это было мое преимущество по сравнению со многими армянскими интеллигентами, которые не знают, как звучит Нарекаци в оригинале, и судят только по упрощенным переводам на современный армянский язык»⁸.

Во-первых, любой умеющий читать армянин может прочесть Нарекаци в оригинале. Он не все поймет, но узнать, как звучит оригинал, не составит труда. Во-вторых, полноценная транскрипция древнеармянского стиха с помощью русского алфавита невозможна. И говорить о преимуществе «по сравнению со многими армянскими интеллигентами» смешно. А в-третьих, как мог Микушевич узнать, что переводы Нарекаци на современный армянский язык упрощены?

Уверенность Микушевича в себе, в своей правоте, должно быть,

⁵ Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963, с. 504.

⁶ Владимир Микушевич. Гений покаяния, или Страх перед книгой. История одного из переводов Григора Нарекаци.—«Лит. газета», 8 февраля, 1995 г.

⁷ Вл. Микушевич. Гений покаяния...

⁸ Конец нациста? Поэт Владимир Микушевич в беседе с обозревателем «ЛТ» Борисом Евсеевым.—«Лит. газета», 8 мая, 1994 г. О том же («Далеко не все армяне представляют себе, как звучит в оригинале стих Григора Нарекаци») пишет Микушевич в названной выше статье «Гений покаяния».

помогает ему писать. Но отчаянная самоуверенность в сочетании с стчаянным самомнением сильно вредят Микушевичу, и он наряду с продуманными, интересными идеями может написать, ничтоже сумняшеся, нечто и вовсе несообразное: «Влияние арабско-персидской традиции сказывается в самой привычке называть великого армянского поэта просто «Нарекаци», без христианского имени «Григор» («Бодрствующий»)....

При этом «Нарекаци» бессознательно уподобляется так называемым техаллусам, поэтическим самопрозваниям или псевдонимам мусульманских поэтов («Хакани», «Низами», «Фелеки»)....⁹

Все бы ничего (и рассуждения о техаллусах ничего), если бы самый перевод «Книги...»: Нарекаци Микушевичу удался.

Неудачный перевод невозможно оправдать статьями, если даже в статьях перевернуть факты. Считаю необходимой публикацию наших коллективных отзывов на рукопись перевода Вл. Микушевича. Считаю необходимой и публикацию письма Микушевича А. И. Пузикову, а также письма Вардгеса Петросяна В. О. Осипову. Наши отзывы написаны 13 лет назад с самыми добрыми, как убедится читатель, намерениями, с излишними даже реверансами в первом отзыве (тексты печатаются без каких-либо изменений). Вопреки уверениям Микушевича мы не были и не могли быть его врагами. И сейчас я отношусь к нему с уважением. Сожалею, что он так бесславно защищает свой перевод и себя.

Левон МКРТЧЯН

О «КНИГЕ СКОРБНЫХ ПЕСНОПЕНИЙ» ГРИГОРА НАРЕКАЦИ В ПЕРЕВОДЕ Вл. МИКУШЕВИЧА

Вл. Микушевич — переводчик известный, давно уже зарекомендовавший себя как тонкий и глубокий интерпретатор иноязычной поэзии в русских переводах. Он переводил с армянского айрены Наапета Кучака, стихотворения Паруйра Севака... Переводил отдельные главы из «Книги скорбных песнопений» Григора Нарекаци («Средневековая армянская поэзия», М., 1981, с. 127—150). Теперь переведена «Книга...» целиком (около 10 тысяч строк). Кстати, это первый полный перевод выдающегося памятника средневековой армянской литературы.

Этого перевода мы все ждали, связывали с его появлением надежды на то, что наконец русский читатель прочтет «Книгу...» Нарекаци целиком.

Вл. Микушевич работал по квалифицированному подстрочному переводу сотрудниц Матенадарана М. Дарбинян-Меликян и Л. Ханларян. Он попросил и для него была сделана транскрипция всего оригинала — К. Саакянц все 10 тысяч строк перепечатала на русской машинке и расставила ударения. (В послесловии Микушевич говорит о «научно-исследовательской работе» Дарбинян и Ханларян, ставшей важнейшей предпосылкой его перевода. Следует, очевидно, сказать яснее: перевод сделан по подстрочнику Дарбинян-Меликян и Ханларян). Такая подготовительная работа, такое отношение Вл. Микушевича к предстоящему переводу тоже предвещало хорошие результаты.

И вот перевод закончен. Действительно, Вл. Микушевич проделал большую работу. Он написал еще и статью о Григоре Нарекаци «Целительный свет» (опубликована в «Вестнике Ереванского университета», 1982), написал к своему переводу послесловие «Книга народной со вести» и примечания.

Вл. Микушевич в своих статьях верно понимает дух творчества Г. Нарекаци. Только лишь в послесловии, может быть, он излишне активен, он объясняет «Книгу...» эпохой средневековья, религиозными

⁹ Вл. Микушевич. Гений покаления...

и общественными проблемами тех далеких веков. Безусловно, это правильно, это хорошо написано, но этого недостаточно. Известно, что ни одно великое произведение прошлых эпох (если оно по-настоящему великое и волнует нас сегодня) не может быть объяснено только лишь той эпохой, в которую оно было создано. Нужно еще нащупать тот нерв, который волнует нас сегодня и делает произведение далекого времени сегодня читаемым и интересным.

Над книгою его стихотворений
Склоняюсь, как над бездной, не дыша.

писал о Нарекаци Максим Танк («Читая Нарекаци», Ереван, «Айастан», 1974, с. 88).

В послесловии Микушевича, написанном им на основе имеющейся литературы о Нарекаци, есть мысли интересные, заслуживающие внимания: например, мысль о том, что «Книга скорбных песнопений» — это настоящая симфония слов. Слово Григора не просто многозначно, оно неисчерпаемо в своей осмысленной целостности». Все, что написано в послесловии о Халкедонском Соборе, тсндракийцах, страшном суде и Нарекаци, написано верно и не вызывает возражений, если даже некоторые суждения гипотетичны. Но даже нынешний Католикос всех армян Вазген I находит, что споры вокруг решений Халкедонского Собора «лишены для современного человека былого волнующего смысла и стали сейчас предметом лишь отвлеченных суждений» (Вазген I. Католикос всех армян, Сочинения, том 3, Эчмиадзин, 1976, с. 273).

В послесловии слабо выявлены или не выявлены связи (но грубо, не прямолинейно, конечно) с современностью, с миром интересов современного человека. Этот пробел можно, конечно, восполнить в предисловии к «Книге...» Однако и самый текст перевода Вл. Микушевича больше ориентирован на людей, интересующихся древностью, на ученых-специалистов, нежели на современного читателя поэзии. При этом перевод не то чтобы искажен, он по тональности другой, он «чуть-чуть» другой (Лев Толстой, как известно, очень любил выражение Брюллова о том, что «искусство начинается там, где начинается «чуть-чуть»).

Среди переводчиков Григора Нарекаци на армянский язык были такие литераторы (например, Трапизуни, Херанян), для которых «Книга скорбных песнопений» — прежде всего произведение религиозное, а затем уже художественное. Кстати, переводчик «Книги...» на французский язык И. Кешишян, на которого ссылается Вл. Микушевич в послесловии, держится тех же принципов, подчеркивая в Нарекаци религиозное. Именно поэтому составители «Антологии армянской поэзии» на французском языке (Париж, 1973) не воспользовались переводом И. Кешишяна. (Во французской антологии главы из «Книги...» Нарекаци перевели Марк Делуз, Жан-Пьер Фей, А. Чобанян, Люк Андре Марсель).

В. Геворкян в послесловии к своему переводу «Книги...» на современный армянский язык (его перевод получил широкую известность) пишет, что комментаторы «Книги...» Нарекаци, будучи людьми религиозными, каждое слово, каждое выражение поэта стремились привязать к религиозным доктринам и текстам. Он пишет о том, как затем переводчики под влиянием комментаторов делали Нарекаци более религиозным, чем он есть на самом деле. (См. послесловие В. Геворкяна: Г. Нарекаци, «Книга скорбных песнопений» на совр. арм. языке, Ереван, 1979, с. 602—604).

«Книга...» Нарекаци так устойчиво популярна в Армении вот уже десять веков не из-за религиозности, а потому что это произведение художественное, мятежное, дерзновенное. Об этом можно судить и по

переводу Вл. Микушевича, по целому ряду отрывков, выполненных на высоком уровне. Особенно это касается тех мест «Книги...», в которых Нарекаци прибегает к излюбленному им приему синтаксического параллелизма, к нагнетанию синонимического ряда, чем и доводит «температуру стиха» до такого накала, когда немыслимы слова и чувства случайные, наносные, мелкие. В качестве примера сошлемся на отрывок из XXX главы:

Мне, спаленному горем, — утеха Твоя;
Мне, опоенному желчью, — чаша Твоя;
Мне, заключенному, — свобода Твоя;
Мне, заточенному в ненависти, — любовь Твоя;
Мне, потрясенному сомнениями, — речь Твоя;
Мне, пораженному в сердце, — кровь Твоя;
Мне, усыпленному недугами, — явь Твоя;
Мне, осужденному на гибель, — сила Твоя;
Мне, разобщенному с Тобою, — держава Твоя;
Мне, разоренному госяньями, — обитель Твоя;
Мне, обойденному благом, — награда Твоя;
Мне, осажденному заблуждениями, весть благая Твоя...

Можно сослаться и на многие другие удавшиеся места. В целом же перевод читается трудно, а частые рифмующиеся слова в пределах одной и той же строки создают впечатление ненужной легкости, и даже (да простится нам это слово) версификаторства:

Был приговор жесток, но был приговору срок,
Тогда как моя беда навсегда:
Я столько нагрешил, что себя надежды лишил. (с. 2)

Но себе во вред нарушал завет,
Прежние ковы плел, на подъем тяжел. (с. 21)

Но когда срам открыт, а не скрыт (с. 73)
Когда шествуем, когда путешествуем... (с. 135)
Я сам себя сокрушил, согрешил, себя наказать поспешил (с. 160).

От ужаса грядущего
Одна опрада — твоя отрада. Господи Христос! (с. 183)

Во всем тексте внутренняя рифма, как правило, мешает, так и хочется сказать, чего-то лишает, что-то упрощает и даже искажает. Например, в XXIII главе есть известное выражение:

*Կցորդա՛կից լեր բժշկանկէս,
Եւ մի՛ ի խոյզ ընտրուեալն Կոչւմ շտապարարար:*

что означает: сочувствуй мне, как врач, но не зови на суд, как судья. Вл. Микушевич в угоду внутренней рифме (совершенно ненужной здесь) искажил эти строки:

Я сам себе палач, ты милосердный врач:
Ты не суди меня, ты пощади меня (с. 86)

Кстати, в главах, опубликованных в «Средневековой армянской поэзии», необязательных внутренних рифм мало, количество их не перекладывается в качество.

В ряде мест переводчик добавляет от себя отсутствующие в оригинале обращения к Богу (вместо одного обращения — два, три), и стих приобретает другую тональность:

Ты всемогущий бог, Ты вездесущий Бог,
Непостижимый Ты, педостижимый Ты.
Всей Своей сущностью всем существам присущ:
Нет предела Тебе; суть всего, Ты во всем.
Ты незрим, но бытие Твое — свет;

Зренья нет без Тебя.
 Вечным величием страшен Ты, славет Ты;
 Голос Вселенной, зов, Ты для всех и во всех;
 Неповедимый Ты,
 Неотвратимый Ты; дальний, Ты вечно в нас:
 Видишь, Хранитель наш, кто погубитель наш;
 Ты, Утешитель наш, Освободитель наш.
 Боже, Целитель наш, Боже, Спаситель наш!

В оригинале подобных прямых обращений к Богу вдвое меньше. Кроме того, определения, относящиеся к Богу, даны в оригинале с маленькой буквы. Оригинал не знает такого количества заглавных букв:

*Sէր աստուած ամենայնի, զօրաւոր յամենայնի,
 Անպարագիր և անվայրափակ տեղի ամենեցուն,
 Բոլոր իսկութեամբ հուպ յամենեսին,
 Անուրեք վայրից, և չիք սահման առանց քո:
 Ոչ երևեալ երբեք,
 Եւ ոչ տեսականութիւն առանց քո ծագման լուսաւոր:
 Փառք ահաւորութեան, անուն անհասութեան,
 Կոչումն մեծութեան, ձայն անրաւութեան,
 Իսկութիւն անքննութեան:
 Անմատչելի հեռաւոր և անընդմիջելի մերձաւոր,
 Տեսող հեծութեան, նկատիչ թշուառութեան,
 Մտաւկաց թախծութեան, ամենարոյժ հնար անմարութեան,
 Հայր գթութեանց, ծագող ողորմութեան,
 Աստուած մխիթարութեան:*

Царю трагизм оригинала сводится в переводе к словам и чувствам по сути своей жалким, мизерным. Там, где Нарекаци пишет, что стихией земли (праха) мы были, подобно скотам, низвергнуты и, скользая (с высот), припали к земле, у Вл. Миклушевича сказано:

По нашей плотской, скотской наклонности мы скользим в прах
 И к перегнутою прилепляемся, (с. 391).

(Эти же стихи в оригинале и в переводе В. Геворкяна:

*Եւ անասնաբար սահեցմամբ ըստ հողոյն զիջման
 Հնդ երկիր մուծաք (Բան 22)*

*Հողի տարերքով, անասունի պես,
 Սահեցիմք իջանք ու կպանք երկրին... (Բան 22)*

Подобная установка на «сниженность» искажает и самый текст оригинала и, что печальнее всего, искажает образ поэта, черты лирического героя «Книги...» — природы сильной и величественной. Приведен характерный отрывок из 71 главы:

Просвещусь и омрачусь;
 Медя напьюсь и полынью упьюсь;
 Умилюсь и разозлюсь, поднимусь и вновь повалюсь;
 Расцвету и не опылюсь, договорюсь и проврнусь;
 Пожлянусь и от клятвы отступаюсь;
 Руку подам и отвернусь;
 Хочу подарить и скупаюсь, явлюсь и затаюсь;
 Исцелюсь и осквернюсь, помирюсь и остервенюсь;
 К суду обращусь и с жизнью пропущусь;
 В книгу впишусь и сокрушусь,
 В плаванье пушусь и утоплюсь,
 Решусь и устрашусь,

Расположусь и разложусь,
Наполнюсь и опорожнюсь,
Устроюсь и распадусь, побережусь и сожгусь,
В дело втянусь и разленюсь,
Разживусь и сразу разорюсь,
Обогащусь и тут же истощусь,
Враумляю, а сам сглушить умудрюсь;
Весь век учусь, а за истину не поручусь. (с. 312—313).

Чтобы уяснить то, что здесь искажена не только интонация оригинала, но и мысль поэта, достаточно сравнить перевод с подстрочником, заимствованным из книги «Русская и армянская средневековые литературы» (Л., «Наука», 1982, с. 148—149, статья А. А. Казиняна):

К свету примешиваю мрак,
К вкушаемой сладости — горечь полыни,
В венец добра вплетаю терние зла,
Едва приподнявшись, падаю вновь.
Цвету, но не плодоношу,
Обязуюсь и не совершаю,
Обещаю и не исполняю,
Даю обет и отступаюсь,
Простираю руки и вновь опускаю,
Показываю и не дарю,
Протягиваю и не подаю.
Едва исцелившись от язв, страдаю от новых ран.
Примирия, вновь сею смуту,
Другого обвиняю, будучи виновен сам,
Написавшись, тут же стираюсь.
Веду корабль я, но сбиваюсь с пути.
Отправляюсь в путь и не достигаю пристани.
Утвердившись на ногах, колеблюсь в мыслях,
Не наполнившись, вновь проливаюсь,
Тут воссоздаюсь, там распадаюсь.
Едва сложившись в целое, вновь рассыпаюсь.
Закладываю основу и не завершаю,
Зарабатываю немного, а расточаю бесметно,
Собираю по крупице, проматываю сторичей,
Наставляю других, но сам я неопытен,
Всегда учусь и никогда не постигаю истину.

По подстрочнику видно, что эти стихи надо переводить, а не переводу непсиантно, зачем они переведены.

Сравнив перевод с подстрочником (не говоря об оригинале), легко заметить, что в переводе мысль Нарекаци лишена формы, лишена энергии, мускулатуры, это тот же, что и в оригинале, огонь, но гаснувший, сильно ослабленный. И разве не очевидно, что «к свету примешиваю мрак» гораздо лучше, чем «Просвещусь и омрачусь»? Мы придем к тому же выводу, сопоставив буквально каждую строчку перевода с подстрочником, а «не наполнившись, вновь проливаюсь» в подстрочнике и «Наполнюсь и опорожнюсь» в переводе — это и вовсе разительный пример.

Думается, основной недостаток перевода Вл. Микушевича в том, что перевод в сравнении с оригиналом менее выразителен и даже банален. Оригинал удивляет, задерживает внимание, тогда как перевод не трогает. В 88-ой главе Нарекаци говорит о том, что его «Книга...» — ему памятник:

Будет рассказана она племенам
И проповедана народам мира,
Будет высечена она на вратах разума
И запечатлена у порога чувств,

И, словно живая, будет говорить за меня,
Исповедуя земные грехи мои;
И хотя придет конец и моих дней,
Но вечной жизнью этой книги
Буду жив и я.

Это подстрочник, заимствованный из той же книги «Русская и армянская средневековая литературы». Перевод как недопроявленный снимок: контуры мысли, определенность слова и чувств не видны — все в переводе бледно:

Дабы,
Завоевать слух различных племен,
Благовестовать различным языкам,
Знаменовать врата разума,
Запечатлевать преддверие чувств;
Вот живая собеседница,
Всех моих прегрешений наследница и вечная исповедница;
Смертный, буду я мертв,
Однако словеса книги сей
Жизнь мою сохраняют.

Вл. Микушевич — опытный переводчик, человек талантливый и многое сделавший. Очевидно, его подвела неверно взятая интонация, неверный для данного случая принцип перевода. И лексика перевода могла быть менее архаичной, и налет церковнославянизмов надо уменьшить. Такие слова, как «мрежи» («Мрежами сими улови его, на свет возврати...», глава 3, с. 14), «брашно» («Брашно не для меня, не для меня вино...», гл. 26, с. 104), вряд ли известны современному даже квалифицированному читателю и вряд ли уместны в переводе.

В этом смысле образцом мог бы послужить «Изборник» (БВЛ, М., 1969). Язык переводов древнерусской литературы родниково чист и понятен (перевод Д. Лихачева, О. Творогова, Ю. Бегунова), лексика современна, дистанция времени передана с помощью синтаксиса. Переводчики «Изборника» нигде не злоупотребляют церковнославянизмами, архаикой.

Мы уверены, что Вл. Микушевичу надо продолжить работу над переводом. Опыт и талант переводчика поручкой тому, что он перепишет перевод, значительно улучшит его. Поэтому мы предлагаем сдать в производство «Книгу...» не в первом квартале нынешнего года, а в четвертом квартале. Союз писателей Армении может организовать (по желанию переводчика) более широкое обсуждение рукописи перевода, может пригласить Вл. Микушевича для работы в Армению, в Дом творчества на любой необходимый срок.

Перевод Вл. Микушевича, как нам кажется, нуждается в редакторе — русском поэте.

Союз писателей Армении может пригласить переводчика с редактором.

Мы все обязуемся помочь как переводчику, так и редактору.

Мы очень заинтересованы в том, чтобы «Книга скорбных песнопений» Г. Нарекаци увидела свет в лучшем издательстве нашей страны «Художественная литература».

В. А. Петросян

Председатель правления
СП Армении

А. П. ГРИГОРЯН

Секретарь СП Армении,
доктор филологических наук

С. С. АРЕВПАТЯН

Член-корреспондент АН
Арм. ССР, директор Матенадарана

Л. М. МКРТЧЯН

Заслуженный деятель
науки Армении, профессор,
декан факультета русского языка
и литературы ЕГУ

2 февраля, 1983 г.

Главному редактору издательства «Художественная литература» Пузикову Александру Ивановичу от поэта-переводчика Микуневича Владимира Борисовича

Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Не могу не поделиться с Вами недоумением, которое вызвала во мне рецензия на мой перевод «Книги скорбных песнопений» Григора Нарекаци. Над переводом книги я работал несколько лет. Работе над Григором Нарекаци предшествовал перевод других старинных поэтических произведений (Калидаса, Кретьен де Труа, поэзия миннезингеров). Авторы рецензии не оспаривают моего опыта и не отрицают некоторой моей компетентности в том, что касается, собственно, Григора Нарекаци. Они упоминают мою статью, опубликованную в «Вестнике Ереванского университета» (1982 г.) и признают, что в моих статьях я верно понимаю дух творчества Григора Нарекаци (стр. 2). Признают они и то, что мною осуществлен первый полный перевод выдающегося памятника средневековой армянской литературы. Я был вправе ждать от армянских ученых указаний на смысловые расхождения моего перевода с оригиналом. Книга тысячелетней давности изобилует, естественно, темными местами, нуждающимися в толковании и в комментировании. Однако конкретных обоснованных указаний на расхождение перевода с оригиналом я в рецензии не обнаружил. Более того, авторы, если я правильно их понимаю, признают, что перевод не искажает оригинала, «перевод не то, чтобы искажен», как они выражаются (стр. 3). Авторы утверждают, что о книге Григора Нарекаци как о произведении художественном, мятежном, дерзновенном, можно судить по моему переводу, по целому ряду отрывков, выполненных на высоком уровне (стр. 4). Они отмечают наличие в книге многих других удавшихся мест (стр. 4). Тем более озадачивает конечный вывод рецензии. Авторы предлагают мне, ни много, ни мало, переписать весь перевод (10 000 строк!) от начала до конца, ссылаясь при этом лишь на «выражение Брюллова», которое очень любил Лев Толстой, и на стихи Максима Танка.

Подходя к рецензии безо всякой предвзятости, не могу не отметить: Книга Григора Нарекаци, несомненно, самое необычное и, быть может, самое великое из всех поэтических произведений, которые мне довелось перевести. Книга эта уникальна в мировой литературе, беспрецедента по своему своеобразию. Чувство глубокой виновности парадоксальным образом считается в Книге с торжествующей бескомпромиссной правотой. Это сочетание истолковывается лишь в свете исследований М. М. Бахтина. Книга Григора Нарекаци — произведение карнавальное по своей сути. В духе народного карнавального действия Григор Нарекаци, славившийся своей нравственной чистотой и добродетелью, этот «ангел во плоти», как назвал его Нерсес Лампронский, приписывает себе все грехи человечества, и тем виновнее выглядят истинные носители грехов и пороков. В такой своеобразной гротескной форме проявляется антифедеральный пафос Григора Нарекаци, его непримиримый протест против условий жизни, недостойных человека, против угнетения и всяческой неправды. Карнавальной традицией «серьезно—смехового» объясняется и пародийное, по существу, нагнетание библейских цитат и обширных отрывков из литургии (традиция, не чуждая отцам церкви, даже самому Евангелию). Отсюда «установка на сниженность», которая так шокирует авторов рецензии (стр. 7).

Впрочем, авторов рецензии можно понять. Современный армянский язык очень далек от языка, на котором писал Григор Нарекаци. Ушли в прошлое поколения армян, для которых древнеармянский язык был языком духовной жизни. В таких условиях даже знатоку древнего языка трудно подчас преодолеть своего рода обратную языковую перспек-

тиву, когда самые простые, повседневные, иногда непристойные выражения выглядят подернутыми облагораживающей дымкой, неким благоговейным фимиамом. В такой дымке, вероятно, и предстает авторам рецензии то, что у самого Григора Нарекаци «весомо, грубо, зримо». Если бы я как переводчик подбавил этого благоговейного фимиама, перевод приобрел бы оттенок сусального благолепия, клорит отжившего, совершенно не свойственный оригиналу.

Авторы рецензии называют Григора Нарекаци «натурой сильной и величественной». С этим не приходится спорить, однако складывается впечатление, что авторы приписывают поэту черты байронического героя, видят в нем гордого одиночку, что-то вроде Заратустры Ницше. Такой образ поэта явно не соответствует исторической правде. Сила и величие Григора Нарекаци в его неслоддельном демократизме, в глубокой народности, в близости к бунтарским антифеодальным движениям той эпохи. Именно народ принял Книгу Григора Нарекаци вопреки недоверию и неприязни книжников и церковников, не без осознания подозревавших автора в ереси. Чтобы передать народность Григора Нарекаци, я не мог не обратиться к соответствующей русской поэтической традиции, опираясь при этом не на переводы, ценности которых я не отрицаю, а на сами оригиналы древнерусской поэзии, вернее, на самую традицию, которая не нуждается в переводе, так как останется жива, пока жива русская поэзия. Поэтому я не вижу никакого упрека в том, что перевод читается трудно (стр. 5). Я вполне согласен с тем, что чтение моего перевода требует от читателя известного навыка, внутреннего произнесения, но ведь никаких стихов нельзя читать просто «про себя», пробегая глазами. Фридрих Гельдерлин и Райнер Мария Рильке в моем переводе едва ли проще Григора Нарекаци, а читатель как будто принял эти переводы. Кстати сказать, я никогда не слышал, что сам оригинал Григора Нарекаци когда-нибудь считался «легким чтением». Например, известный английский армяновед прошлого века Конибейр противопоставлял усложненному и, якобы, запутанному стилю Григора Нарекаци ясность и простоту тондракийского памятника «Ключ истины», в чем сказывается недооценка средневекового искусства, вообще характерная для девятнадцатого века. Из самой рецензии явствует, насколько трудно читать оригинал даже специалисту. Авторы рецензии как бы забыли музыкально-ритмический строй оригинала, сверхрифмованный стих Григора Нарекаци, о котором я писал в моей опубликованной статье. Они упрекают меня в употреблении частых рифмующихся слов, хотя такие слова буквально кишат в оригинале, что подтверждается транскрипцией. Рецензенты не обращают внимания на звукопись оригинала, которую я, как мне представляется, до некоторой степени передаю: «Мечутся мысли, мечами вооружась, друг друга кляня, клинками бьются добро и зло» (гл. 1) «мою добродетель поправь, чтобы, поправ козни врага, не хромал храм тела моего» (гл. 18); «душа моя не в ладу со своею ладьей» (гл. 25). Очень удивило меня противопоставление ученых-специалистов современному читателю поэзии (стр. 3), как будто специалист может себе позволить роскошь не быть современным. За двадцать пять лет работы в литературе я так и не научился делить своих читателей на «посвященных» и «непосвященных». Серия «Литературные Памятники», по-видимому, неинтересна для ученых специалистов, однако мой перевод Кретьена де Труа вышел в этой серии тиражом в сто тысяч экземпляров и, насколько мне известно, не залежался на прилавках книжных магазинов. Буду очень признателен авторам рецензии, если они помогут мне приобрести хоть один экземпляр «Средневековой армянской поэзии», «вышедший в издательстве «Художественная литература». В этой книге опубликованы в моем переводе главы из Книги Григора Нарекаци (около тысячи строк), и как раз на основании этих фрагментов Союз Писателей Армении настаивал на том, чтобы я осуществил полный перевод Книги. Очевидно, завершённый мною теперь полный перевод ос-

новывается на тех же принципах, что и обширные опубликованные фрагменты. Пожалуй, именно в проблеме современности коренится мое принципиальное расхождение с авторами рецензии, которые утверждают: «Известно, что ни одно великое произведение прошлых эпох (если оно по-настоящему великое и волнует нас сегодня) не может быть объяснено только лишь той эпохой, в которую оно было создано» (стр. 2). Это утверждение в принципе неприемлемо для меня. Великие произведения прошлых эпох волнуют нас сегодня не потому, что они уходили от своей эпохи, а потому, что они были верны ей. Никогда не останется современным тот, кто не был современным в свою эпоху. Это подтверждается примером всех великих поэтов от Данте и Шекспира до Блока и Маяковского. Григор Нарекаци не является в этом смысле исключением. Он вовсе не нуждается в том, чтобы его модернизировали, сокращали, приглаживали. Он близок нам именно своей первозданной стихийной мощью. Установки рецензии, к сожалению, не подтверждаются материалами, предоставленными мне ее же авторами. Я готов рассмотреть и продумать любые замечания, осознанные на оригинале, но я не могу переводить вместо оригинала чьи бы то ни было неопределенные домыслы, какими бы благими намерениями они не были продиктованы. Верю, что Вы, глубокоуважаемый Александр Иванович, отнесетесь к моей позиции с пониманием.

С искренним уважением

В. Микушевич

23 марта, 1983 г.

О ПЕРЕВОДЕ Вл. МИКУШЕВИЧА «КНИГИ СКОРБНЫХ ПЕСНОПЕНИЙ» ГРИГОРА НАРЕКАЦИ

Судя по письму Вл. Микушевича главному редактору издательства «Художественная литература» Пузикову А. И. (письмо написано в ответ на нашу предыдущую рецензию), он недостаточно серьезно отнесся к тому, что мы писали. Недостаточно серьезно отнесся он и к своей работе. (Кстати, работал он над переводом «Книги...» Нарекаци не несколько лет, а ровно год).

Перевод «Книги...» Нарекаци, великого памятника армянской литературы X века, слишком ответственное и высокое дело, чтобы свести нашу рецензию к тому, что мы плохо или вообще не понимаем древнеармянский язык и наивно воспринимаем «непристойные выражения» габара как выражения, «подернутые облагораживающей дымкой, неким благоговейным фимиамом» (с. 3 ответа Микушевича). Вл. Микушевич исходит из того, что он понимает древнеармянский язык лучше нас и не отвечает ни на одно конкретное наше замечание с конкретными примерами того, как его перевод искажает оригинал (с. 5, 6, 7, 8, 9, 10). Вл. Микушевич ограничивается общими рассуждениями о нашей рецензии, подробно ссылаясь на те места, где у нас сказано, что он, Вл. Микушевич — переводчик опытный, что есть в его переводе «целый ряд мест, выполненных на высоком уровне», что в своей опубликованной статье он верно понимает дух творчества Г. Нарекаци. (Именно в статье, но не в переводе, в статье, написанной по армянским источникам и интересной как взгляд со стороны, тогда как Микушевичу кажется, что он написал основополагающий труд). Но ведь у нас же в рецензии сказано, что перевод в целом не получился, сказанное подкреплено примерами, которых могло быть гораздо больше.

В переводе Микушевича Григор Нарекаци — слабый религиозный поэт. И так как переводчик исказил художественный и идейный смысл стихов поэта, то зачастую непонятно, зачем все это сегодня (речь, понятно, не о модернизации древних текстов) переводить, печатать, тиражировать.

Мы считали и считаем, что Вл. Микушевичу надо пересмотреть, переписать весь перевод. Мы предлагали ему помощь, поддержку, у нас были конкретные предложения, мы писали о неудавшемся (принципиально неудавшемся) переводе Микушевича очень уважительно к нему, к его другим переводам. Проявленные нами уважение и такт Вл. Микушевич использовал как орудие нашего непонимания Григора Нарекаци. У нас приведены примеры (из разных мест рукописи) очень примитивных русских стихов Микушевича с внутренней рифмой (с. 5). Стихи, прямо скажем, графоманские, такими стихами буквально кишит вся рукопись — примеров не исчерпать. В ответ на такое серьезное замечание Вл. Микушевич пишет: «Авторы рецензии как бы забыли музыкально-ритмический строй оригинала, сверхрифмованный стих Григора Нарекаци, о котором я писал в моей опубликованной статье».

Здесь больше всего удивляет ссылка на себя самого: «...Я писал». Важнее, очевидно, то, что написано у Григора Нарекаци. Стих Нарекаци, словно горящая, горячая лава, это стих с крепкой внутренней мускулатурой, внутренним напряжением, а у Вл. Микушевича беспомощная, примитивная игра с примитивными рифмами. Но будем конкретны. Общие рассуждения всегда можно оспорить, но именно конкретные примеры говорят о том, что у Вл. Микушевича-переводчика «нет стиха», что в этом смысле он, можно сказать, испортил подстрочник.

Приведем из перевода Вл. Микушевича еще несколько характерных примеров.

В бедне затеряно все мое существо,
Богом покинуто, в пламени казнено,
Там, где целобисе солнце упразднено. (с. 104)

Утратами нескончаемыми горе заселено,
Монми слезами обильными только углублено;
Бог весть, где предел, где дно. (с. 104)

Кажусь я не тем, кем я окажусь.
Я блестящее блюдо, вместилище блуда. (с. 116)

Хулитель привередливости,
Холуй в холе, беглец поневоле. (с. 208)

Тягостной мукой, наукой ради нашего исправления
Муки тягчайшего уязвления... (с. 350)

Первые два примера мы намеренно привели из 26, срифмованной главы, хотя оригинал в целом рифмы не знает. Но даже в этом случае рифма оригинала не опасает рифмованный стих переводчика. И разве не яснее ясного, что **упразднено** (солнце упразднено?!) искусственно и примитивно подогнано под казнено; заселено — под углублено; окажусь — под кажусь; блуда — под блюдо. Всего этого нет в оригинале. Например, строчке «Бог весть, где предел, где дно» в оригинале соответствует (вернее, не соответствует) следующая понятная мысль: «Измеряя глубины погибели моей (ее сути), я никогда не мог узнать, сколь она велика».

Нарекаци не ставил искусственно и неловко одно слово рядом с другим ради их формального созвучия. Микушевич ошибается — и не раз, не два, а на протяжении всего перевода:

Если солнце Твое бездушное, душное, тебе послушное...
Очищаешь меня от всего потного, болотного, животного (с. 383)

Небу на потребу, на благо всем существам... (с. 385)
Кровоподтеки, ссадины, трещины, затрещины (с. 395)

Перевод Н. Гребнева нас не устраивал именно потому, что он передал нерифмованный оригинал стихом рифмованным. Новый перевод был бы оправдан как перевод нерифмованный, соответствующий форме оригинала. Однако у Микушевича больше рифм, чем у Гребнева, и у него, Микушевича, плохой, беспомощный русский стих, чего никак нельзя сказать о Гребневе. (Заметим в скобках, что рецензент «Нового мира» Адольф Урбан пишет о русских переводах «Книги скорби»: «Сегодня мы уже можем сравнивать разные результаты, достигнутые переводчиками Н. Гребневым, В. Микушевичем, Л. Милем. На мой взгляд, особенно удачны экспрессивные и поэтичные интерпретации Н. Гребнева. Будем надеяться, что не за горами и полное научное издание Нарекаци, скажем, в серии «Литературные памятники» или «Библиотека поэта», («Новый мир», 1983, № 3, с. 263).

В письме Микушевича, в частности, говорится: «Я готов рассмотреть и продумать любые замечания, основанные на оригинале, но я не могу перевести вместо оригинала что бы то ни было неопределенные домыслы».

Но так случилось, что перевод Вл. Микушевича — это во многом его домыслы, его ошибочное представление об оригинале. «Книга...» Григора Нарекаци не есть, как о том пишет Микушевич, «произведение карнавальное по своей сути», и нельзя сказать, что у Нарекаци «карнавальной традицией «серьезно-смехового объясняется и пародийное, по существу, нагнетание библейских цитат и обширных отрывков из литургии...» (с. 2).

Нельзя положения и выводы Бахтина механически переносить на творчество Нарекаци. Эти выводы — результат изучения другого материала.

Если говорить о пародийности, то зачастую пародийно звучит по отношению к оригиналу перевод Микушевича.

Я чужак, я враг, я вурдалак.
Чьи преступления — подкрепленья
Для рати велией велиаровой.
Так что меня же потряс бесовский пляс.
Броски, скачки, прыжки,
Коленца отщепенца — отщепенца.
Чье коварство — мое мытарство.
Нутро мое изъязвившие, злобу свою явившие... (с. 80)

Это действительно звучит пародийно. Сравните с подстрочником:

Наказанья достойный, чужой и жестокий пришелец я.
Своим необузданно дерзким распутным поведением
Приумножил я полчища Велиара,
Своей беспечной нерадивостью позволил я
Омерзительным, коварным, лживым бесам
Плясать и резвиться, скакать в исступлении,
Удары тайные и язвы невидимые
Получил я от палачей-губителей.

Вл. Микушевич и по мысли далек от оригинала, но больше всего искажает оригинал «стих» переводчика.

Напрасно Микушевич иронизирует относительно выражения «чуть-чуть» (искусство — это и есть «чуть-чуть»).

У Нарекаци, например, сказано:

Не предал позору предавших тебя на смертные муки,
Не протвизился, когда связали тебя,
Не ожесточился от пощечины,
Когда плюнули — не оскорбился,
Когда били, не возмущился.

Если бы дважды не испил он уксуса, смешанного с желчью,
Не разлилась бы скопившаяся во мне желчь за былые грехи. (Глава 77)

В переводе «чуть-чуть» другая интонация, «чуть-чуть» другие слова, и то, что должно звучать трагически, звучит мелко и даже оскорбительно:

Не сокрушал тех, кто Тебя избивал;
Не удушал тех, кто в лицо Тебе плевал;
Не задрожал, когда удары претерпевал,
Не угрожал, когда насмешник торжествовал...
.....
Если бы дважды Он уксуса не глотнул,
Не изрыгнул бы я первородной горечи,
В которой захлебывается человек. (с. 65)

Глава 32 начинается словами «Вышеназванными добродетелями не хвалюсь...». И здесь следовало бы, очевидно, чуть-чуть поправить вышеназванный стих. Явно неудачен повторяющийся зачин:

Стих, коим возобновлен стон того же Бодрствующего,
В скорбях своих, в словах своих, в мольбах своих упорствующего.

Повторяющаяся формула (она повторяется без малого 90 раз) не может быть неестественной и неуклюжей. (Кстати, и здесь в оригинале нет рифмы). Чуть-чуть недостает мастерства.

Напрасно Микушевич иронизирует над стихами М. Танка, сказавшего о Нарекаци:

Над книгою его стихотворений
Склоняюсь, как над бездной, не дыша.
От этих нареканий и прозрений
Вновь содрогается моя душа.

Когда читаешь перевод Вл. Микушевича, если и содрогается душа, то содрогается по другим причинам, по причине художественной и идейной беспомощности перевода.

«Конкретных, обоснованных указаний, — пишет Вл. Микушевич, — на расхождения перевода с оригиналом я в рецензии не обнаружил» (с. 1). Но у нас конкретно сказано, что его перевод делает Нарекаци более религиозным, чем он есть на самом деле (приведены примеры); что перевод искажает оригинал (приведены примеры). Сказано, например, что выражению оригинала «не наполнившись, вновь проливаюсь» у Микушевича соответствует «Наполнюсь и опорожнюсь» — куда уж конкретнее!

Вл. Микушевича на этот раз постигла неудача, его перевод не может быть, на наш взгляд, принят и опубликован.

В. А. ПЕТРОСЯН

Председатель правления
СП Армении

А. П. ГРИГОРЯН

Секретарь СП Армении,
доктор филологических наук

С. С. АРЕВШАТЯН

Член-корреспондент АН
Арм. ССР

Л. М. МКРТЧЯН

Заслуженный деятель
науки Армении, профес-
сор, декан факультета
русского языка и лите-
ратуры ЕГУ

18 мая, 1983 г.

ДИРЕКТОРУ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

тов. ОСИПОВУ В. О.

ДОРОГОЙ ВАЛЕНТИН ОСИПОВИЧ!

Я планировал и надеялся, что мы встретимся в Москве, по возвращении из ФРГ (1—4 июля). Но Вы находились в Тольятти (как мне сказали), и встреча наша не состоялась. Я надеюсь, что в конце июня буду в Москве и мы встретимся. Кроме человеческой тоски, у меня накопились и какие-то проблемы (в первую очередь — книга Г. Нарекаци). Это письмо продиктовано вот каким обстоятельством. Накануне моего отъезда в Ереван Анаит Павловна Макинцян позвонила мне и рассказала о своем разговоре с Вами. Честно говоря, этот разговор меня озадачил. Дело в том, что накануне моего отъезда в ФРГ Анаит Павловна позвонила мне по поводу резкого тона второй нашей рецензии о переводе В. Микушевича. Я ответил, что: первое — мы не могли иначе реагировать на неинтеллигентное, нетворческое, неделикатное (я ищу мягкие слова) письмо В. Микушевича по поводу нашей первой рецензии; второе — мнение о том, что перевод в целом не удался было высказано и в первой рецензии, просто мы старались быть предельно деликатными в надежде, что уважаемый переводчик творчески воспримет наши замечания. Поэтому окончательный наш вывод мы намеренно сформулировали недостаточно резко. Анаит Павловне я сказал, что в разговоре с проф. Л. Мкртчяном Валентин Осипович тоже отметил это (нечеткость нашей позиции — принимаем или отвергаем перевод). Это все, что мне сказал проф. Л. Мкртчян, я разговор этот передал Анаит Павловне, добавив, что замечание это вполне справедливо и поэтому во второй рецензии мы высказались более определенно. К сожалению, Анаит Павловна этот разговор передала так, что Вы мол чуть-ли не поручили проф. Л. Мкртчяну написать категорически отрицательное мнение, на что Вы ответили, что такого разговора не было. И действительно, такого разговора не было.

Вот частный, но для меня весьма важный повод моего письма. Я слишком дорожу человеческими и официальными нашими взаимоотношениями, дорогой Валентин Осипович, чтобы пройти мимо такой неверной интерпретации моих слов.

Теперь по существу дела.

Вы знаете, что вопрос издания Нарекаци на русском языке был поднят секретариатом СП Армении, на основании подстрочника, так же созданного усилиями Союза писателей Армении.

Мы согласились с кандидатурой переводчика В. Микушевича, предложенной издательством, и с нетерпением ждали перевода. Но перевод, как мы написали дважды, к сожалению, не удался. Мы ждали, что издательство и в первую очередь переводчик со всей серьезностью отнесутся к замечаниям, никак не претендуя на то, что во всех своих замечаниях мы абсолютно правы. Словом, мы ждали творческих контактов. Вместо этого В. Микушевич написал письмо, о котором я уже говорил, а в издательстве кое-кто срочно подумал о контр-рецензии. Как сообщила Анаит Павловна, две хвалебные рецензии уже есть (поэт Л. Озеров, проф. А. Аршаруни), ждут третью рецензию, после чего будет разговор с «армянской стороной» (определение А. П. Макинцян). Что это за «армянская сторона»? Мы все должны быть на стороне великого поэта Григора Нарекаци.

В первой нашей рецензии мы предлагали В. Микушевичу приехать в Армению для дальнейшей работы, консультаций со специалистами и т. д. Судя по его письму, он в этом не нуждается.

СП Армении считает, что нужен деловой, творческий разговор или

в Институте мировой литературы (с участием специалистов, писателей из Еревана) или в Матенадаране (с участием специалистов, поэтов-переводчиков из Москвы). Такое творческое обсуждение, в котором, безусловно, примет участие и уважаемый переводчик, сможет подвести черту под работой над переводом Нарекаци, выполненном В. Микушевичем.

Мы думаем, что такое серьезное отношение вполне оправдано, ибо поэма Нарекаци не рядовое явление литературы.

И последнее. СП Армении, я лично, дорогой Валентин Осипович, уверены, что возникшие трудности никак не могут повлиять на главное — достойное издание великой книги Григора Нарекаци на русском языке.

С глубоким уважением

ВАРДГЕС ПЕТРОСЯН

13 июня 1983 г.

Լ. Մ. ՄԿՐՏՁՅԱՆ—Վլադիմիր Միկուշևիչի Գրիգոր Նարեկացու «Մատյան ողբերգության» քարգմանության շուրջ.—Վլադիմիր Միկուշևիչը «Մատյանի» ողբերգության քարգմանությունն ավարտել է 1983 թ.-ի սկզբին: Քարգմանության ձեռագիրը երկու անգամ գրախոսվել է Վարդգես Պետրոսյանի, Սեն Արևշատյանի, Արիկ Գրիգորյանի և Լևոն Մկրտչյանի կողմից: Երկու գրախոսություններն էլ բացասական էին: Տարիներ անց («Լիտերատուրնայա գազետա», 8-ր մայիսի 1994 թ. և 8-ը փետրվարի 1995 թ.) Միկուշևիչը անդրադառնում է վերոհիշյալ կարծիքներին՝ խեղաթյուրելով դրանց բովանդակությունը: Քանի որ այդ վեճն ունի սկզբունքային նշանակություն, սպագրվում են այդ վեճին վերաբերող նյութերը: